

У Манежа— «Рабочая и крестьянин»

Известия. — 1999. — 27 янв. — С. 7

Известная художница Татьяна Назаренко по привычке в Татьянин день открыла свою очередную выставку. На этот раз достаточно необычную.

У входа в Манеж со стороны Кутафьей башни временно встанут фанерные «Рабочая и крестьянин». А внутри Манежа, как и полагается, уменьшенные проекты памятников с комментариями.

Лужков-строитель на фоне храма Христа Спасителя. Хрупкая фигурка Ахмадулиной, притулившаяся на ладони, что вместо пьедестала. Всенародная кумирша Алла Борисовна — в сквере среди пятиэтажек в Кузьминках. В коротенькой юбочке и огромной шляпе стоит, широко раскинув руки. У Министерства обороны — облаченный в камуфляж инвалид в коляске. У стадиона «Динамо» — «челноки» с сумками...

Незадолго до выставки я зашла в мастерскую, где еще теснились эти фигуры, и задала Татьяне Назаренко несколько вопросов.

— Когда бы я ни приходила, у вас на мольберте, Татьяна Григорьевна, обычно натянута холст. Вы совсем перестали писать картины?

— Ну кому они сейчас нужны? Вся выставочная жизнь сводится к вопросу: продал — не продал. Условия продажи диктует покупатель: размер, содержание. А что может интересовать моего покупателя? Красивый букет, красивый пейзаж, красивый портрет. Те работы, в которых я хотела бы выразить свои чувства, свое отношение к времени, все то, что меня тревожит, никто не возьмет. Да и я всегда с горечью расставалась со своими серьезными вещами. Все они единичны. Освобождаясь от своих мыслей, эмоций и уже не могу их повторить. Конечно, от случая к случаю я пишу картинку на продажу, чтобы можно было жить.

— А музеи, которые прежде сразу забирали лучшие ваши работы? Но вот я вижу, что «Пугачев», вокруг которого было сломано столько копий, остается в мастерской.

— О чем вы говорите! «Пугачев» я сама не захотела продать за границу, когда возила его туда. Его хотели купить здесь, в музей, но переговоры так и закончились ничем. В Третьяковке, в Русском музее хранятся мои ранние вещи, «Казнь народовольцев», «Декабристы»... Но такие закупки кончились в конце 80-х.

— Кто же покупает ваши работы теперь? Где они?

— Покупают иностранцы. Мое имя знают по многим зарубежным выставкам, и покупатели сами меня находят. Много работ есть в Турции, США, Германии. Что-то попало в Испанию, Португалию, Финляндию.

— Вы могли бы сейчас собрать такую, как в 89-м году, персональную выставку?

— Маловероятно. Слава богу, вышел мой альбом еще в 1991 году да альбом-каталог «Переход», в который я включила и репродукции с работ последних лет.

— Значит, для души теперь вы полностью перешли на «фанерную» живопись? Это ведь ваша находка?

— Фигуры-«обманки» были и в XVIII веке. Все рано или поздно повторяется, хотя, конечно, небуквально. Те фанерные, условно раскрашенные фигуры, которые ставит уличный фотограф или владелец летнего кафе, — это не акт искусства. Я же отношусь к своим фигуркам как к персонажам живописи. Каждая из них в отдельности еще ничего собой не представляет, но когда их становится 30 или 80, то их можно группировать, ставить фон. Они начинают жить своей жизнью, уже не зависящей от меня. Я не скована больше одиночеством места, и это меня очень увлекает.

— Вас всегда увлекала история. А сейчас?

— Но ведь и эпизод вчерашнего дня становится историей. Разве сегодня так поют, размышляют, как в моем «Московском вечере»? Мы совсем иначе общаемся.

— И как же?

— Идет череда выставок, акций. Вот пригласила меня на акцию галерея «Паук и мышь». Художники пишут за час 16 работ, а другие их стирают и пишут свои. Я в ужасе. Стереть чужую работу, смотреть, как стирают твою? Но в это вкладывается некий смысл. Вооружаюсь тремя красками, иду. Что мне трудно, что ли, закрасить 16 работ? Что-то мажу свое. А в га-

ВИКТОР АХЛЮМОВ

Татьяна Назаренко у своей новой работы

лерее «Дар» проводили акцию идентификации личности. Надо было поставить отпечатки пальцев, высказать свое желание. Вот я и высказала: хочу поставить памятники. Теперь желание осуществ-

ляется. Да, мне на судьбу пока не стоит жаловаться, хотя мое поколение попытались выбросить из жизни. Обозвали нас, семидесятников, «разрешенными» художниками и решили списать в архив

вместе с официозом. Но все это уже было. Когда-то комиссар Шагал боролся с теми, кого искренне считал устаревшими, потом его противники взяли верх и поставили под сомнение само физическое

существование русского авангарда. А теперь самые талантливые из тех и из других живут в разных залах музеев. Но уроки истории не идут впрок. Актуальными признают у нас сейчас из недавнего прошлого участников «бульдозерной» выставки, выставок на Малой Грузинской. Кто-то заработал себе на этом имя, кто-то делал политику. Сначала страдали одни, потом страдают другие. Суeta забудется, а пострадавшие, увы, останутся.

— Ваше поколение было весьма профессиональным и уж никак не обделенным талантами.

— Но искусство нельзя взвесить на весах. Я скажу о каких-то работах, что они эпигонские, неинтересные, другой назовет их блистательными. Критерии сейчас очень размыты. Плати иставляйся. Вот была выставка монументального искусства, и каждый нес что хотел. Говорят, чудовищная была выставка. Меня угнетает нынешнее засилье массовой культуры. Она давит, вытесняет искусство на задворки. Включаешь телевизор — сплошная попса. Открываешь любой тонкий журнал — все те же лица. Приехала из дальней поездки домой — открываю окно: что вижу? В сквере появился лев, а на нем какая-то девушка в длинной одежде и с крыльями. То ли ангел, то ли аллегория? Мы долго возмущались безобразием памятников Калинин, Энгельсу, Тельману. Теперь Юрий Долгорукий кажется шедевром по сравнению с памятником маршалу Жукову. Кажется, освободились от идеологического засилья, вдруг выясняется, что потерян вкус. Я, конечно, не скульптор, но почему бы и непрофессионалу не предложить теперь свои проекты? Я так и пишу в своем пояснительном тексте: «Объекты моих памятников, как и их местоположение, могут быть и другими. Площади и скверы нашего города, особенно в новостройках, представляют безграничное поле деятельности. Памятники надо ставить при жизни, чтобы человек мог внести свои предложения, выбрать цвет или материал, из которого объект будет выполнен, отлит или вылеплен»...

— Вы полагаете, что можно исправлять вкусы?

— Исправлять? Нет. Но заставить задуматься, наверное, все-таки можно. Человек, чтобы жить, должен на что-то надеяться. Вот я и надеюсь.

Инга ПРЕЛОВСКАЯ